

МЫШЛЕНИЕ, КУЛЬТУРА И ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

В.Т. Ополев

Решая любую, пусть самую маленькую, собственную проблему, человек, даже если он действует сугубо индивидуально, всегда использует интеллектуальные и, возможно, вещественные ресурсы, созданные усилиями других людей, а в более широком смысле — человечеством в целом. В связи с этим продуктивность мышления (и, соответственно, деятельности) оказывается зависимой не только от его «когнитивно-технических» [4] возможностей, непосредственно связанных с решением тех или иных задач, но и от целого ряда факторов, в том числе и относящихся к некоторым особым качествам этого индивида, обуславливающих его взаимодействие с культурой и обществом. В сфере этих последних имеются свои механизмы, формы организации и устойчивые каналы связи, от эффективности действия которых будет зависеть, в частности, общий успех дела. Существует также и определенный комплекс предпосылок и условий, относящихся к самым различным аспектам действительности, обеспечивающих работу этих механизмов и соответствующих им каналов связей.

Если же говорить о специализированных видах деятельности, культивируемых человечеством и имеющих социальную направленность, то здесь не только предпосылки и средства решения проблем имеют общественное и культурное происхождение, но и сами задачи — т. е. соответствующее проблемное поле — обусловлены ими. Кроме того, такого рода деятельность всегда является, по меньшей мере, на порядок более сложной, так как она предполагает не только действия индивида, понимаемые в данном случае как фактор, без которого она просто не может состояться и на который она опирается как на некоторую

элементарную составляющую, но и действия вместе с тем подчиняющиеся определенной социокультурной программе — программе, сформировавшейся до этого, как правило, в течение длительного времени, и реализация которой в целом требует немалых затрат и четкой организации. Таковы — наука, инженерия, образование, юриспруденция и многое другое. Помимо отмеченного, указанные виды деятельности должны еще и правильно (в широком смысле этого слова) взаимодействовать между собой, иначе говоря, они в свою очередь связаны еще одной социокультурной программой — общими задачами, сложившимися формами взаимоотношений и т. п.

Вместе с тем за каждой из таких программ, независимо от того, относится ли она к первому или второму виду, стоят феномены социальности и культуры. Последние не только определяют содержательные аспекты этих программ, но и создают основные условия для их функционирования. Именно эти условия и относящиеся к ним предпосылки, а также, условно говоря, «механизмы», которые обеспечивают их влияние на так называемое индивидуальное мышление, будут главным объектом нашего интереса в рамках данной статьи. Поэтому в дальнейшем, говоря о социальности, мы будем иметь в виду не столько то, что специализированное мышление своей направленностью обусловлено социально: решает общественные задачи, возникает на основе общественных потребностей и т. д. (этот аспект проблемы нами будет намеренно «затушевываться», для того чтобы четче выявить другой, интересующий нас в первую очередь), а то, что реализуемость этого мышления и его продуктивность всегда связаны с коллективными усилиями. Мышление, можно сказать, всегда является своеобразной результирующей (функцией) этих усилий. И более того, в самой «технологии» специализированного мышления в качестве одного из определяющих ее элементов с необходимостью присутствуют различные виды и формы субъект-субъектных отношений. Правда, в одних случаях эти отношения (точнее, известная их часть) оказываются, что называется, на виду и рассматриваются в качестве определяющих, существенно нагруженных элементов организации духовной деятельности, и тогда принято говорить о феномене коллективного мышления, в других — эти отношения оказываются скрытыми или считаются чем-то таким, чем можно в определенных обстоятельствах пренебречь, тогда говорят о мышлении индивидуальном.

Субъект-субъектные отношения, оказывающие заметное влияние на методологическую организацию и, следовательно, продуктивные аспекты мышления, практически всегда в большей или меньшей сте-

пени опосредованы культурой. Под культурой же в данном случае нам лучше всего понимать некую сумму факторов или даже совокупность определенного рода обстоятельств и условий, существующих обособленно от всякого отдельного акта междисциплинарного взаимодействия, но которые, однако, делают это взаимодействие возможным, а также известным образом формируют его, придают ему определенный набор относительно устойчивых черт. Культура, образно говоря, — это «эфир» (особого рода среда), свойства которого обеспечивают прохождение «волн» социального взаимодействия.

Культурные ресурсы, опосредствующие интересующие нас виды субъект-субъектных отношений, можно разбить на *три основные категории*, в зависимости от характера тех *функций*, которые они выполняют в обеспечении последних. Дополнительным основанием этого разграничения могут служить также и некоторые особенности, присущие культурным реалиям, релевантным тому или другому типу функционирования, в плане их собственного строения или внутренних свойств.

В первой из этих функций культура выступает в качестве того, что можно коротко обозначить как *социальную память*. Культура же в данном случае — это прежде всего хранилище результатов сознательной активности людей, представляющих известную ценность для человечества в целом. Последнюю часть этого утверждения мы оставляем без особых уточнений, хотя в других случаях — при изменении целей исследования здесь, несомненно, потребовался бы целый ряд обстоятельных комментариев. Однако, в самом общем виде понятно, что у каждой культуры или даже у ее отдельных отраслей имеются свои механизмы отбора этих результатов, а также свои сложившиеся способы их хранения — «упаковки». Эти способы также во многом ответственны за то, что оказывается в составе социальной памяти, и, следовательно, они в какой-то степени определяют и содержание ценностных оснований культуры, диктуют обществу — что ему надо, что для него может представлять ценность и что существенно [6]. Культура — это, прежде всего применительно к данному случаю, мир артефактов, объектов искусственного происхождения, сохраненных для последующего их использования.

Среди них, как правило, особое место занимают орудия труда и другое «оборудование», используемое для достижения целей, а также специальные знания, точнее сказать, те идеальные образования, которые наиболее близки по своим основным свойствам к содержанию предметной составляющей мышления. Эти элементы имеют, пожалуй, наиболее динамичный характер среди всего того, что входит в сфе-

ру культуры, и они же образуют в ее составе довольно значительный массив. Кроме того, они обычно находятся на переднем плане в смысле их «заметности», осознанности в качестве явлений, относящихся к составу культуры, и даже в известной мере манифестирующих ее специфику в целом. Иначе говоря, они в достаточно большом числе случаев могут восприниматься в качестве образцов культурных реалий, того, что в наибольшей степени соответствует самому понятию элемента культуры. Все это в свою очередь способствует тому, что то и другое уже начинает выступать не только в роли явлений культуры, образующих ее содержание, но и в функции определенного культурогенного фактора, иначе говоря, фактора, в какой-то мере задающего ее логику, формирующего законы и правила ее существования.

Однако это небольшое отступление, касающееся определенных аспектов онтологического статуса культурных реалий, не должно отвлекать от нашей главной проблемы: спецификации некоторых функций культуры относительно процессов мышления. Понятно, что культура в роли «хранилища» и «социальной памяти» представляет собой то, что объединяет людей, является надсубъектным, внеличностным образованием, обеспечивающим социальные связи, значимые для процессов продуктивного мышления, по меньшей мере, в нескольких существенных измерениях. Стоит отметить также, что люди в таких случаях могут непосредственно и не взаимодействовать друг с другом, они это делают по преимуществу через культурные образования. Горизонт личностных устремлений тех, кто мыслит, или в более узком значении этого слова — принимает решения, ограничивается в подобных условиях сферой культурных сущностей и культурных феноменов. С этими последними субъект, осуществляющий акты мысли, имеет дело непосредственно, но социальные связи, аккумулирующие усилия многих, при этом все равно присутствуют в структуре реальных предпосылок мышления. Правда, соответствующая социальность, или, если сказать конкретнее, интересубъективность, существует здесь преимущественно в так называемой превращенной форме [5, с. 315–317].

Имеется, однако, еще один вид культурных ресурсов, который в рассматриваемой связи нельзя не упомянуть. К нему относятся те хранящиеся в составе культуры идеи или «знания», а также различным образом фиксированные образцы деятельностей и их результатов, которые, будучи интериоризированы индивидуальным сознанием, образуют сферу *регулятивных оснований мышления*. Культурные сущности этого типа по характерному для них способу существования и механизмам трансляции заметно отличаются от тех, которые

выше были обозначены как орудия труда и специальные предметные знания, но их также необходимо относить к сфере «социальной памяти», поскольку главным в данном случае является некоторая «прямая» передача определенного содержания, его постоянное воспроизводство. Именно это последнее может служить одним из основных *отличительных* признаков, позволяющих распознавать реалии, относящиеся к данной сфере культуры в целом. Речь всегда должна идти о некоторых содержаниях, значимых для осуществления либо подготовки того или иного вида продуктивной деятельности. Хотя эти содержания обычно каким-то образом фиксированы, оформлены и даже «овеществлены», но этот их аспект в данном случае не является главным.

Вторая из упомянутых выше функций культуры состоит в том, что она в значительной мере обуславливает сами *каналы взаимодействия* между людьми в процессах так или иначе понимаемого совместного производства, одной из разновидностей которого является творчество. Культура, можно сказать, задает, выстраивает, организует каналы общения и другие релевантные творчеству способы социального взаимодействия, причем как в структурном плане (разделение труда, разграничение и распределение функций, «ролей», профессий и т. п.), так и в деятельностном и процессуальном аспектах. Большая часть этих типов взаимодействия имеет так или иначе фиксированные культурные формы. Это проявляется в том, что они нормируются и даже в известном смысле ритуализируются, и вообще, что называется, «обставляются» культурой. Культура, кроме того, придает взаимодействиям внутреннюю осмысленность, задает критерии оценки совершаемых действий, определяет структуру и в известной мере порядок передачи транслируемого содержания и др.

Если же попытаться все это представить в более упорядоченном и расчлененном виде и, опустив при этом детали, сосредоточиться на основных аспектах, то можно сказать, что культура в рамках данной ее функции обеспечивает готовыми фиксированными средствами каналы межсубъектного взаимодействия и создает, таким образом, условия для их собственного функционирования. Отметим, что и сами эти каналы номенклатурно (т. е. их разновидности, их количество и т. п.) устанавливаются также во многом за счет культуры. Кроме того, она, можно сказать, обязывает к духовному взаимодействию, к передаче и интеграции в рамках социальных общностей результатов, полученных посредством индивидуальных усилий и индивидуальной инициативы.

Наконец, *в-третьих*, можно указать ещё одну сторону рассматриваемой проблемы. Она заключается в том, что сама детерминация

культурными факторами структур социального взаимодействия, организация и обеспечение известными средствами связанных с ними каналов общения и т.п. вместе с тем одновременно *формирует*, по существу, определенные законы и правила (точнее было бы сказать, некоторые установки, интеллектуальные условия, предпосылки), которым вольно или невольно приходится следовать участникам соответствующих творческих процессов. На этой почве возникает известного рода «клишированность» или предзаданность, свойственная мышлению, связанному с решением творческих задач. Это обстоятельство в определенных условиях может рассматриваться в качестве негативного, поскольку оно все же некоторым образом ограничивает творческий потенциал субъектов мышления, однако вместе с тем в большинстве случаев его необходимо принимать во внимание, ввиду его достаточно существенной методологической нагруженности.

Все это *пространство социального взаимодействия*, охватывающее, как указанные выше измерения культуры, т.е. «социальную память» и все то, что связано с формированием и обеспечением соответствующих видов взаимодействий, так и другие, менее значимые социокультурные факторы, но также обладающие определенным «весом» в интересующем нас плане, все это пространство, организованное и обусловленное культурой, представляет собой, в нашем понимании, сферу *интерсубъективности*.

Однако здесь же необходимо отметить, что область интесубъективного, если брать ее в целом, определенным образом выходит за рамки того, что охватывается понятием социальных связей, обусловленных и опосредованных культурными реалиями. Пространство, или сфера, интерсубъективности включает еще один существенно отличный от указанного выше компонент. Этот последний наиболее явно просматривается во взаимоотношениях вида «Я и Ты», где всегда помимо связей, нормированных и ресурсно обеспечиваемых культурой, присутствует еще что-то, складывающееся и существующее только внутри межличностных измерений. Это нечто имеет преимущественно неформальный и, вероятно, во многих своих аспектах принципиально не формализуемый характер и, как следствие, оно неспособно, что называется по своей природе, существовать *отдельно* от соответствующих связей, в других средах или контекстах. Оно распадается вместе с этими связями. В принципе любой акт межсубъектного взаимодействия в какой-то мере содержит подобный элемент *уникального*. Хотя место, занимаемое этим элементом, и его функционально-методологическая нагруженность, могут быть разными. Наиболее значительную

роль в последнем смысле он играет в малых творческих группах и в так называемых неформальных объединениях [2, с. 155–290].

Различение *личностной* (в известном смысле ситуативной, текучей и, можно сказать, творческой) и *культурно-обусловленной* (стационарной, устойчивой, воспроизводимой) сторон пространства intersубъективности имеет существенное значение для исследования продуктивных аспектов любых видов специализированного мышления. Связано это, в частности, с тем, что личностное и культурное в данном случае — это два в достаточной степени независимых друг от друга и в известной мере противоположных основания-начала, определяющие характер тех intersубъективных взаимоотношений, которые складываются в тех или иных конкретных обстоятельствах. Эти два начала образуют, можно сказать, своеобразные «силовые поля», заметным образом детерминирующие те законы и правила, согласно которым существует и организуется совместная деятельность.

Помимо указанных выше сторон intersубъективности необходимо указать еще *две*, различаемых уже по некоторому другому основанию. Принимая во внимание определенные характеристики различаемых сущностей, эти стороны можно вместе с тем рассматривать также и в качестве определенного рода уровней, присущих соответствующему объекту.

Первый из них — это уровень сложения, или совмещения, деятельности, осуществляемых различными субъектами. При этом не столь важно, являются ли данные виды деятельности духовными и относятся к сфере мышления или материально-практическими. Основной принцип, на котором строятся, как правило, подобные структуры совместной деятельности — это функциональное разделение труда. Согласно складывающейся на этой основе организации взаимодействия, каждый субъект связывается с известным набором функций и получает благодаря этому определенное «место» в структуре деятельности. Отдельный субъект при этом имеет как бы свою особую задачу, располагает необходимыми средствами и опирается на некоторые специфические предпосылки. Эти последние относятся к условиям, наличие которых делает соответствующую деятельность прежде всего реализуемой. В социологии подобный набор функций, которые, нужно сказать, могут быть при этом и неявно заданными, и связанную с ними систему различного рода детерминаций обозначают термином «роль» [12, с. 230–249]. Соответственно, организация коллективной деятельности обретает здесь ролевую структуризацию. Помимо функционального разделения труда, организация совместной деятельности может

строиться также и на другом принципе, предполагающем простое, «механическое» соединение однородных, в пределе тождественных, взаимозаменяемых, «одно-модельных» видов активности, осуществляемых различными субъектами.

Совмещение индивидуально реализуемых видов деятельности может происходить (что главным образом и имеет место на практике) преимущественно в плоскости результатов. В одних случаях эти результаты каким-то образом «суммируются», объединяются в известное целое, дающее, как принято говорить, некоторую новую качественную определенность, или включаются в какое-то более «мощное» образование на правах его элементов. В других, несколько более сложных случаях, то, что в рамках одного вида деятельности выступает в качестве результата, может становиться предпосылкой или средством (даже определенного рода «материалом») в другом ее виде и т. п. Вместе с тем результат или их совокупность это всего лишь один из структурных компонентов любой продуктивной деятельности. И хотя этот элемент настолько важен, что его можно считать как бы основным смыслом всякой деятельности, ее главным ценностным значением, к нему одному эта деятельность в целом никак не сводится.

Другим, можно сказать — противоположным, полюсом межсубъектной интеграции в творческих процессах являются взаимоотношения в плане *регулятивных оснований мышления*. Взаимодействие этого рода требует значительно более сложных (и прежде всего неформальных) предпосылок и условий, но оно открывает принципиально новые возможности по сравнению с объединением на уровне результатов. Главная из этих возможностей заключается в том, что эффективная интеграция регулятивных оснований, подкрепленная некоторыми другими, сопутствующими, обстоятельствами, открывает пути к формированию феномена коллективной субъективности, своего рода интеллектуальной машины, управляемой единым, в достаточной мере аутентичным «Я». Конечно, такое объединение едва ли в каких-то условиях может быть абсолютным, точнее — достигающим той же степени самосогласованности и полноты аспектов, которым способно обладать индивидуальное «Я». Однако, в принципе, любой сколь-нибудь заметный положительный сдвиг в сторону формирования коллективной субъективности может давать достаточно интересные и нестандартные результаты. Эффективным с практической точки зрения этот феномен может быть даже тогда, когда соответствующая субъективность имеет место лишь частично (в каких-то аспектах) и реально функционирует в творческих процессах лишь спорадически, иначе го-

вора, в условиях, когда бытие этого явления, если брать его в целом, как бы «мерцает», оно то формируется, то распадается и т.п. Естественно, что все то существенное, что необходимо для формирования такого рода субъективности, или своего рода интеллектуальной «машины», включая и те знания, которые позволяют сознательно ориентироваться в подобных процессах, не может не представлять интереса для исследования. Здесь же в самом общем виде отметим лишь то, что коллективная субъективность в структурном смысле и в целом с точки зрения своей методологической организации и условий существования заметно отличается от индивидуальной, хотя в то же время между ними можно в определенных случаях проводить и некоторые аналогии.

Второй из упомянутых выше уровней, разграничивающих сферу intersубъективного в целом, — это уровень *духовных* (интеллектуальных) *коммуникаций*. Для обозначения этого уровня intersубъектного взаимодействия в специальной литературе, посвященной анализу познавательной и других видов человеческой активности, нередко используют термин «общение» [11, с. 119–135]. Методологическим ядром понимаемого указанным образом общения в целом (или, по крайней мере, подавляющего большинства его разновидностей) при этом принято считать *диалог*. Диалог в данном случае — это определенная общая схема и метод взаимодействия, в сфере влияния которого уже формируются другие, «сопутствующие», процедуры и какие-то более конкретные способы действий, вместе с когнитивными, психологическими, моральными и прочими предпосылками, обеспечивающими их реализацию.

В то же время духовные коммуникации, оказывающие заметное влияние на эффективность intersубъектной интеграции в рамках специализированной деятельности, могут быть весьма разнообразными с точки зрения характерных для них способов реализации. В связи с этим и общение в указанном смысле оказывается здесь, хотя, возможно, и достаточно важной, но всего лишь *одной из существующих форм* (или, иначе говоря, некоторой устойчивой совокупностью условий), в которых осуществляются эти коммуникации. При этом трансляция содержания сознания, их передача и обмен ими, могут происходить как на осознаваемых и в достаточной степени контролируемых, так и на неосознаваемых и слабо контролируемых уровнях, могут в значительной мере варьироваться и другие условия передачи и восприятия сообщений. Отмеченное несоответствие между наиболее распространенными представлениями об общении и реальными процессами

интеллектуальных коммуникаций, как нам представляется, оказывается одной из причин того, что в одних случаях исследователи вообще предпочитают не использовать термин «общение» для описания соответствующих явлений [2], [7], в других — общение и тесно связанный с ним диалог начинают трактовать чрезмерно широко, вплоть до потери ими какой-либо более или менее четко выраженной специфики. Фактически любое противоречие либо просто рассогласование, противопоставление в сфере духовности, культуры или практики рассматривается при этом в качестве диалога [10, с. 24–80].

Принимая во внимание сказанное, термин «общение» целесообразно было бы относить лишь к *одной* из имеющихся форм интеллектуальных коммуникаций. Однако в связи с тем, что эта форма является к настоящему времени наиболее осознанной и изученной и постоянно, можно сказать, находится «на виду», обозначающий ее термин приобрел, по-видимому, в нашем употреблении помимо своего непосредственного значения еще и определенный символический смысл [8]. Этот последний уже обозначает более широкую область тех явлений, к которым относится и собственно общение в узком значении этого слова. Но делается это, как правило, неявным образом.

Вместе с тем оба этих смысла необходимо иметь в виду в рамках описания соответствующих явлений. Необходимость эта связана, в частности, с тем, что первый — непосредственный, предметный — смысл подобного рода культурных образований, а именно, терминов, функционирующих двояким образом, всегда, так или иначе «отбрасывает» собственную, характерную для него «тень» на второй — символический — смысл. Иначе говоря, первый из них в известной мере задает вполне определенный способ понимания и предварительного описания всего класса соотносимых с указанным термином явлений. Предметный смысл в рамках символического употребления термина выполняет здесь роль гносеологического прецедента, исходной модели. Упомянутые обстоятельства — существенная черта тех условий, в которых, хотим мы того или нет, только и может происходить исследование интеллектуального взаимодействия в рамках организации специализированного мышления, и от них также в немалой степени зависят возможности социального признания его результатов. Использование здесь той или иной терминологии должно учитывать эти условия и в целом — в какой-то мере приспособляться к ним. Последнее, естественно, может приводить к определенным сложностям терминологического и даже понятийного характера. Однако этого не стоит бояться, поскольку иначе практически неизбежно возникнут другие и, вероятнее всего,

более серьезные трудности.

Специфицированные нами выше в самых общих чертах реалии, а именно: культура, взаимосвязи на уровне деятельности и интеллектуальные коммуникации, — образуют, как нам представляется, *три главных измерения* феномена интерсубъективности. И вместе с тем за каждым из такого рода измерений стоят целые совокупности тех факторов (среди которых немалое число в достаточной мере существенных и универсальных), которые определяют продуктивные возможности специализированного мышления, в какой бы области общественной деятельности оно не имело место.

Несмотря на то, что выделенные измерения в принципе *не сводимы* одно к другому (по крайней мере, в рамках западноевропейской интеллектуальной традиции) и рассмотрение одного не может заменить рассмотрение другого, они все же в значительной степени *взаимосвязаны*. Данные взаимосвязи имеют весьма сложный, многоаспектный и неоднозначный характер. При этом, что необходимо отметить особо, в своей существенной части они формируются и в известном смысле существуют вне сферы их более или менее непосредственной сопряженности с процессами мышления. Естественно, что большая часть такого рода взаимосвязей несёт на себе и определенный отпечаток условий их формирования. Отсюда и известная — может быть даже большая, чем, скажем, в научном исследовании, инженерном проектировании или еще где-то — сложность, запутанность, противоречивость и неопределенность работающих в сфере интерсубъективности интеллектуальных технологий, а также функционирующих установок, механизмов, правил, норм, сложившихся связей и т. п. Интерсубъективность, возможно, одна из наиболее синкретичных по своей методологической организации предпосылок всякого проблемно ориентированного мышления: в ее составе всегда присутствуют, явным или чаще всего скрытым образом, существенные влияния многих отраслей человеческой практики. Эта же синкретичность присуща и каждому из упомянутых выше измерений интерсубъективности, усугубляющаяся к тому же их взаимными «наложениями» друг на друга. Со всем этим связана, в частности, необходимость теоретического, или точнее — аналитического, прояснения методологически значимых компонентов сферы интерсубъективного. На базе последнего становится возможным осуществление определенной рационализации этих компонентов, с тем, чтобы как можно более полно приспособить их к роли действующих условий и предпосылок той или иной конкретной области специализированной деятельности.

Систематическое изучение каждого из указанных измерений в отдельности, в особенности в том плане, в каком оно определяет продуктивные характеристики специализированного мышления, практически всегда приводит к необходимости затрагивать другие измерения, при этом не в одном, а, как правило, в нескольких аспектах. По сути, мы вправе сказать, что сам феномен *интерсубъективности* есть в некотором смысле всего лишь одна из точек пересечения этих плоскостей, т. е. культуры, деятельности и общения.

1 Литература

- [1] *Библер В.С.* От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. — М.: Политиздат, 1990.
- [2] *Коммуникация* в современной науке. — М.: Прогресс, 1976.
- [3] *Кун Т.* Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1975.
- [4] *Малкей М.* Наука и социология знания. — М.: Прогресс, 1983.
- [5] *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. — М.: Прогресс, 1990.
- [6] *Моль А.* Социодинамика культуры. — М.: Прогресс, 1973.
- [7] *Научная деятельность: структура и институты.* — М.: Прогресс, 1980.
- [8] *Ополев В.Т.* Методологические аспекты символического и знакового функционирования языка // Докса. — Вып. 6. — Мова, текст, культура. — Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечникова, 2004. — С. 106–114.
- [9] *Петров М.К.* История европейской культурной традиции и ее проблемы. — М.: РОССПЭН, 2004.
- [10] *Познание* и общение. — М.: Наука, 1988.
- [11] *Теория познания.* В 4-х т. Т. 2. Социально-культурная природа познания. — М.: Мысль, 1991.
- [12] *Тернер Дж.* Структура социологической теории. — М.: Прогресс, 1985.